

Шарапенкова Наталья Геннадьевна

ИМЯ КАК СВЕРНУТЫЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ (РОМАН АНДРЕЯ БЕЛОГО "МОСКВА")

Статья посвящена выявлению функции имени собственного, его семантической наполняемости в последнем и пока еще недостаточно изученном романе Андрея Белого "Москва" (1926-1932). В данной статье сделан упор на семантике и символике имени главного героя романа, в котором заложена идейно-смысловая и тематическая нагрузка. Метаморфоза, происходящая с Коробкиным, во многом скрыта в самом имени героя. В частности, это путь от кабинетного ученого до человека, воспарившего в эмпиреи Космоса и открывшего высшее "Я".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/58.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 222-224. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1(092)

Филологические науки

Статья посвящена выявлению функции имени собственного, его семантической наполняемости в последнем и пока еще недостаточно изученном романе Андрея Белого «Москва» (1926-1932). В данной статье сделан упор на семантике и символике имени главного героя романа, в котором заложена идейно-смысловая и тематическая нагрузка. Метаморфоза, происходящая с Коробкиным, во многом скрыта в самом имени героя. В частности, это путь от кабинетного ученого до человека, воспарившего в эмпирии Космоса и открывшего высшее «Я».

Ключевые слова и фразы: имя собственное; мифологическая и символическая функция имени; ономастика; звукообраз; роман «Москва».

Наталья Геннадьевна Шарапенкова, к. филол. н.

Кафедра скандинавских языков

Петрозаводский государственный университет

natshar@mail.ru

ИМЯ КАК СВЕРНУТЫЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ (РОМАН АНДРЕЯ БЕЛОГО «МОСКВА»)©

Тема «Ономастика Андрея Белого», по всей видимости, неисчерпаема. Имя собственное выполняет в романе «Москва» различные функции: от номинативной, звуковой, образной, сатирической до контекстуальной, мифологической и символической. Можно выделить, по крайней мере, две *метафункции* ономастической системы романа:

1) ономастика романа в широком смысле этого слова (пути возникновения имени героев, их номинативная, знаковая, гротескная и образная функции), особая роль звука и звуковых сочетаний, заложенных в имени героя, в создании ритмико-мелодического рисунка произведения. Применительно к текстам Андрея Белого можно говорить об их особом *симфонизме* (в нашем случае на уровне ономастики);

2) связанность имени, фамилии главных персонажей романа с идейно-смысловым, тематическим, символическим, антропософским планами текста (т.е. имя героя может быть представлено как *свернутый мифологический сюжет*).

Вл. Ходасевич в своей статье-рецензии 1927 г. «Аблеуховы – Летаевы – Коробкины» говорит о героях романа, которые «суть герои-шаржи»: «Фон Мандро с его дочерью, карлик Кавалькас, Кавалевер и целые толпы каких-то проносащихся по роману уродливых призраков с чудовищными именами» [12, с. 734]. Л. Тимофеев в рецензии на «Москву» в 1933 г. писал: «У Андрея Белого эта работа над словом... обесмысливает образ, отрывает его от реальных связей» [11, с. 216]. В качестве примера «обесмысливания языковой работы» критик приводит «странную любовь А. Белого к *игре фамилиями*», которая «существует сама по себе» [Там же].

Андрей Белый экспериментировал с именами героев, начиная с ранних литературных «симфоний», продолжив работу по ономастике в «Серебряном голубе», «Петербурге», «Котике Летаеве», «Крещеном китайце». Но больше всего процесс создания гротескных, нарочитых, несуразных фамилий падает, безусловно, на поздний роман «Москва» (1926-1933).

В романе «Москва» представлен целый фейерверк имен и фамилий, их десятки, сотни, причем некоторые даны в подбор, по алфавиту, некоторые имена семантически насыщены или графически выделены (всего в романе свыше 400 фамилий).

Разобраться в многообразии имен и фамилий и выявить их функции в романе непросто. О важности этого аспекта языка для самого автора свидетельствует его интимный дневник. 12 июня 1929 г. (время написания второго тома «Маски») автором сделана запись: «Мысли о фамилиях» [5, с. 449].

Имя у Белого отрывается от героя, существует само по себе, становится *микро-образом*. Автор в «Москве», как подмечает С. И. Тимина, «выявляет возможности слова-образа» [10, с. 15], конкретнее «*звуко-образа*». Связано это, в первую очередь, с особым восприятием писателем природы звука.

Андрей Белый в предисловии к «Маскам» говорит о главной особенности своих текстов: «Я пишу не для чтения глазами, а для читателя, внутренне произносящего мой текст» [3, с. 9-10]. Игра звуками и их сочетаниями, «сверхчувственное ощущение каждого звука» [10, с. 15] являются проявлениями высшего порядка – «поэтического косноязычия» [7], «высшего словотворчества» [8, с. 175], «фантастического корнесловия» [6, с. 6] Андрея Белого.

В сознании главного («авторского») героя романа «Москва» происходят важные трансформации: Коробкин-профессор, совершивший переворот в области математики, подвергся жуткой пытке, после чего осознает свою сопричастность происходящему в России и обретает собственную миссию в служении всему человечеству и Космосу. Эта метаморфоза во многом скрыта в имени героя (*Ваня Коробкин – Иван Иванович Коробкин – Кубарик – Каппа – брат Иван*).

Выбор имени главного героя неслучаен. Иван (Иоанн) – осененный или создатель племени, рода, поколения. Имя героя Иван Коробкин воспринимается в широком фольклорно-художественном и историческом контексте. Оно здесь стилистически *не* нейтральное. Иванушка-дурачок, чудака, которому достается сокровище (царство и прекрасная невеста). Первая часть романа носит заголовок «Московский чудака», что «поддерживает» данную ипостась героя.

Это имя имеет и свою авторскую ретроспективу. Впервые имя Иван Иванович Коробкин было упомянуто в 1909 г. в разговоре с Вяч. Ивановым, затем полный тезка появился в рассказе 1918 г. «Йог».

К Гоголю, как полагают некоторые исследователи, восходит имя главного героя – Коробкин. Словарь «О русских фамилиях» А. В. Суперанской и А. В. Суловой связывает фамилию Коробкин с древнерусским именем «Коробка», которое означает «ящик, вместилище для укладывания чего-либо» [9, с. 266].

Ваня Коробкин с детства боится всяких «невнятиц» (революций, потрясений, хаоса сырой первозданной жизни), герой создает себе кокон, коробку, стены которой «ясность лишь доказуемых тезисов» [5, с. 23]. Семантика фамилии «Коробкин» связывает героя и с пустым пространством в коробке, и с черепной коробкой. Литератор и поверенный в делах писателя П. Н. Зайцев вспоминает, что А. Белый «говорил о своих “Масках”. Его Коробкин был в коробке, был в уме (радио). Сумасшедший дом снял с него эту коробку и ввел профессора в разум» [Там же, с. 163].

В сцене прогулки героя с японским коллегой по Москве повествователь связывает воедино судьбу города и героя: «Вот мораль: не ходите осматривать с крупным ученым достопримечательностей городских; Москва – древний, весьма замечательный город.

А – что же в итоге? Кубарики...» [4, с. 216].

Данное с красной строки (графически выделенное) слово «кубарики» может быть расшифровано только в контексте всего замысла романа. *Кубарики* входят в смысловой ряд, связанный с трансформацией фамилии героя-ученого – Коробкин («кубарик», «каппа», «Каппа-Коробкин»), за которой прочитывается путь посвящения героя. Коробкин понимает, что за его открытием охотятся, сам он переживает мировоззренческий кризис (утрату веры в силу научного познания): «Разволнованный ходами мыслей, которые он излагал Задопятову; сам для себя говорил: Задопятов, пространства, глухая стена, – всё равно:

– Да, сидишь ты, обложенный ватой, – в коробке: работаешь» [Там же, с. 273].

Толчком к метаморфозам станут события, когда профессор перепутает стену кареты (квадрат) с черной школьной доской и в результате перенесет удар оглоблей лошади.

Диалог профессора с дочерью:

«– Беденький, милый!

– Коробки шатают!

– Какие коробки?

– Шатаешься, точно кубарик.

Рукой изотчаялся и окровавленным глазом застарчил он:

– Бьет тебя жизнь!» [Там же].

Метаморфоза, произошедшая с героем, зашифрована в символическом подарке, который герой получает на своем юбилее, – названная в его честь звезда Каппа. «Сегодня – коробка, а завтра, – а завтра, – вскосматился он, – “к а п п а” какая-нибудь!» [Там же, с. 253]. Причем здесь звезда «Каппа»? В этом видится христианский и мифический подтекст имени героя. Звезда дает и вертикальную развертку судьбы героя. Первоначально смысл названия «Каппа» утаен, но он заиграет коннотативными смыслами во время сновидения героя. Коробкин видит сон (до выжигания глаза), в котором он разговаривает с Гераклитом. Для общего замысла романа важно и упоминание имени Гераклита «темнейшего», который противопоставлен «ясному» Аристотелю.

«Встал Гераклит: поучал:

– Так текучая жидкость, ища себе выхода, одолевает все косности твердого тела: и так: рациональные ясности форм распадаются в пламенных верчах текущего» [Там же, с. 254]. В такой, свойственной Белому форме «поэтического косноязычия» (термин Ю. М. Лотмана) предстает учение Гераклита об огне как первоначале вселенной, в котором распадутся «рациональные ясности» Коробкина. «Верчи текущего» – мотив, встречающийся уже в «Котике Летаеве», имеет и «реальную» подоснову. Профессор спит беспокойно: «вертался с таким впечатленьем, что всё – переверчено, изверчено: странно винтило в спине: он увидел: подушка – проверчена» [Там же, с. 253].

Последнее слово усекается, и возникает новый персонаж «Верченко». Во сне Коробкин продолжает свои математические исчисления, и возникает фамилия «Проверченко», семантически близкое «верчи». Сновидение – стихия творческой фантазии самого автора. Идет процесс образования новых фамилий «никогда не бывших персонажей»: Проверченко, Верченко, бухгалтер Пров Ерченко, Поль Роверчен, Проверьянц. Корень «Верч» входят в каждое из приведенных фамилий, тем самым на звуковом уровне воссоздается образ вихря, кружения, воронки. Этот вихрь имен поддержан и метаморфозами имени самого главного героя (коробка – «каппа» – кубарь).

Далее на сумбурно-гротесковом языке сна через ряд темных символов, связанных между тем с реальностью, Гераклит пророчествует: «...шило, бухгалтер, кубарь... есть знак, что Коробкин отправится в Каппадокию» [Там же, с. 254]. Каппадокия ведет свою историю, начиная с V века до н.э. Из-за своего стратегического расположения эта земля входила в состав Хеттской, Александра Великого, Римской, Османской империй.

Именно здесь на причудливом ландшафте, сотворенном вулканами, могли укрыться первые христиане (I в.), затем во времена гонений ушедшие в выстроенные подземные города. Каппадокия стала страной, где процветало монашество. Отсюда родом великие каппадокийцы: Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов.

Язык сна – гротесковый, но в то же время и провидческий. Гераклит внушает Коробкину: «...коробки заворачиваются – “в капше”: ступайте-ка в Капподокию вы! “Каппа” – Коробкин» [Там же]. Итак, герой получает некий «знак» от Гераклита «отправиться в Капподокию». Так через имя героя выстраивается его мифологическая функция – ему предстоит пройти через «мистерию Голгофы», лишиться глаза, пройти через страдания (пытку огнем), обрести новый свет истины.

Коробкин открывает для себя самого заповеди, записанные на христианских скрижалях, и главная из них – «не убий», отказывается от идеи мести, осознает свою сопричастность совершаемому в мире. Герой в процессе своего духовного восхождения обретает «слезный дар», сострадание:

«Слезе поклонился профессор Иван, потому что страданьем, как палкой, ударило; это – страданье Ивана Хампауэра, а не его!

Понял: совесть сознания – повесть сострадания» [Там же, с. 475].

При таком взгляде на «мистерию Голгофы» и само истязание *Ивана* предстает как некий необходимый трагический акт заклания (покаяния), в котором зашифрована возможность будущего возрождения. История профессора Коробкина – это история становления духовного высшего «Я» автора, самосознающей души (так будет назван философский труд Андрея Белого [2]), души, ставшей открытой звездным просторам, поднебесью, не случайно эпитафия из М. Ломоносова: «Открылась бездна – звезд полна» [4, с. 19]. Это бездна человеческой души. Главному герою Коробкину, пережившему «мистерию Голгофы», начертано было стать «воином Михаила» [1, с. 379]. Михаил («кто, как Бог»), упоминается в Апокалипсисе. Архангел Михаил вместе с ангелами сражается с драконом. Герой выходит к антропософской идее «согреть вселенную» любовью и милосердием. А. Белый ведет читателя от развала мира на атомы через эманации любви и света к собиранию его в новое единство. Этот путь «собираания мира», обретения героем истинного «Я» зашифрован и в метаморфозах имени.

Список литературы

1. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка 1913-1932 гг. / публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.
2. Белый А. История становления самосознающей души // Белый А. Душа самосознающая. М.: Канон+, 1999. С. 62-477.
3. Белый А. Маски. М.: ГИХЛ, 1932. 441 с.
4. Белый А. Москва / сост. и прим. С. И. Тиминой. М.: Сов. Россия, 1989. 768 с.
5. Зайцев П. Н. Воспоминания / сост. М. Л. Спивак; вступ. статья Дж. Малмстада, М. Л. Спивак. М.: Новое литер. обозрение, 2008. 749 с.
6. Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М.: ИМЛИ РАН, 1992. 255 с.
7. Лотман Ю. М. Поэтическое косноязычие Андрея Белого // Андрей Белый: проблемы творчества. М.: Сов. писатель, 1988. С. 437-443.
8. Степун Ф. Памяти Андрея Белого // Воспоминания об Андрее Белом / сост. и вступ. ст. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1995. С. 162-186.
9. Суперанская А. В., Сулова А. В. О русских фамилиях. СПб.: Авалонъ, 2008. 288 с.
10. Тимина С. И. Последний роман Андрея Белого // Белый А. Москва. М.: Сов. Россия, 1989. С. 3-16.
11. Тимофеев Л. И. О «Масках» А. Белого // Октябрь. 1933. № 6. С. 212-217.
12. Ходасевич Вл. Аблеуховы – Летаевы – Коробкины // Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников / сост., вступ. ст., коммент. А. В. Лаврова. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуман. ин-та, 2004. С. 732-752.

NAME AS REDUCED SYMBOLIC PLOT (NOVEL “MOSCOW” BY ANDREI BELYI)

Natal'ya Gennad'evna Sharapenkova, Ph. D. in Philology
 Department of Scandinavian Languages
 Petrozavodsk State University
 natshar@mail.ru

The author reveals the function of a proper name, its semantic fullness in the latest and not yet sufficiently studied novel by Andrei Belyi “Moscow” (1926-1932), and places an emphasis on the semantics and symbolism of the novel main character’s name, which bears ideological-semantic and thematic meaning. The metamorphosis that occurs with Korobkin is largely hidden in the very name of the character. In particular, this is the way from an armchair scientist to a man, who soared into the Cosmos empty-rean and opened the superior “I”.

Key words and phrases: proper name; mythological and symbolic function of name; onomastics; sound pattern; novel “Moscow”.